

© 2013 г.

М.-П. РЕЙ (Франция)

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО И РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 года

В июне 1812 г., накануне русской кампании, великая империя Наполеона находилась на вершине “географической стабильности, в географическом апогее”, как характеризует ее состояние французский исследователь Т. Лентц¹. Она была основательно обустроена, и, кажется, никто и ничто не в силах был замедлить ее развитие. В ее состав входили 134 департамента, и, не считая иллирийских провинций, она простиралась на 750 тыс. км. Насчитывая более 44 млн. жителей, наполеоновская империя по этому показателю затмевала своих вассалов: королевство Италии, Рейнский Союз, Швейцарскую Конфедерацию, Великое Герцогство Варшавское, Неаполитанское королевство, Королевство Вестфалия, – население которых составляло около 40 млн. человек. Наконец, эта европейская империя, многонациональная и многоконфессиональная, основанная на централизованном административном управлении, осуществлявшемся из Парижа, поддерживала привилегированные связи (пусть и не всегда лишённые двусмысленности и политических подоплек) со многими европейскими государствами. Среди них прежде всего следует назвать Австрию, союзника Французской империи с той поры, как в 1810 г. юная эрцгерцогиня Мария-Луиза стала супругой Наполеона, и Пруссию.

Несмотря на сложности, возникшие в Испании, где французские войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление народа, масштаб политического сооружения, административного и территориального, которое возвел Наполеон менее чем за 10 лет только усилием собственной воли и разумом провидца, дал французскому императору головокружительное ощущение всемогущества. В марте 1811 г. это ощущение усилилось в связи с рождением наследника – маленького короля Римского, – что делало империю еще более устойчивой. Она казалась непобедимой.

Однако в декабре 1812 г., менее чем через шесть месяцев после вторжения в Россию, Великая армия возвратилась во Францию побежденной. Тяжелое отступление стоило множества человеческих жизней. После этой кампании Наполеон уже не смог восстановить свое былое величие. Он потерял империю, власть, затем свободу, и в марте 1814 г. на французский престол вернулись Бурбоны. В этом и состоит основное значение русской кампании 1812 г. для истории Франции и французского общества. Но если военные аспекты войны 1812 г. сегодня хорошо известны, то ее восприятие во французском обществе еще не получило достаточного освещения².

Что знали французы о русской кампании? Как представляли ее? Как относились к своей армии и власти Наполеона?

Рей Мари-Пьер – профессор Университета Парижа I Сорбонна.

¹ *Lentz T. Nouvelle Histoire du Premier Empire. T. II. L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Paris, 2004, p. 25.*

² Общий обзор литературы см. *Rey M.P. L'effroyable tragédie, une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, 2012.*

Чтобы попытаться хотя бы частично ответить на эти непростые вопросы, автор привлёк к написанию данной статьи государственные французские источники (военные сводки о действиях Великой армии, отрывки из переписки префектов с министерствами полиции и внутренних дел, отчеты полиции), газеты, документы частного характера, в том числе письма, которыми обменивались со своими семьями старшие и младшие офицеры, реже – солдаты, и воспоминания.

В первой части статьи речь пойдет о французском обществе и подходе к конфликту. В частности, мы зададимся вопросом, как страна отреагировала на начало русской кампании и была ли готова к ней психологически. Вторая часть будет посвящена настроениям, царившим во французском обществе во время кампании, и чувствам людей в связи с ужасом поражения.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ РУССКОЙ КАМПАНИИ. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПОД КОНТРОЛЕМ

До начала кампании в России и на всем ее протяжении основную информацию о войне французское общество получало из официальных источников, в первую очередь из военных сводок Великой армии. Эти сводки, общим числом 29, были опубликованы между 20 июня и 3 декабря 1812 г., причем 24 из них – до 18 октября. Публикация сводок подчинялась одному правилу: сначала текст появлялся в газете “*Le Moniteur*”, потом его отправляли в другие парижские газеты и префектам. Префекты передавали текст в провинциальные газеты. Затем его издавали в большом формате, чтобы расклеивать на стенах, либо в малом формате для чтения в кафе, общественных местах, церквях во время произнесения проповедей, с театральной сцены перед спектаклем или в лицах³. Между составлением сводки и ее распространением среди общественности проходило около двух недель.

Исходившие из структур власти, иногда составленные самим Наполеоном и с нетерпением ожидавшиеся населением, жаждающим новостей, эти сводки в течение почти всей войны давали приукрашенную картину военных событий. Лишь 28-я и 29-я сводки описали катастрофическую ситуацию, в которой находилась к тому времени Великая армия. Чрезмерно оптимистическое содержание сводок не всегда вызывало доверие у населения, сеяло сомнения и подчас приводило к противоположному результату, чем тот, на который рассчитывали власти, пытаясь успокоить тыл.

Тогдашний префект полиции Э.-Д. Паскье в своих воспоминаниях рассказывает о раздражении М.-Ш. Лавалета, наполеоновского министра почтовых сообщений, при чтении одной из сводок. «Я вспоминаю о его гневе в тот день, – пишет Паскье, – когда мы читали в сводках о пленных казаках, заявлявших, что их товарищи толпами дезертируют и возвращаются на родину. “Неужели они думают, – восклицал господин Лавалет, что мы поверим подобным сказкам? Чтобы казаки покинули армию! Казаки, для которых война – главное удовольствие! Да у них есть все, чтобы в ней победить, и нет ничего, что можно в ней потерять!”»⁴.

Этот отрывок интересен тем, что он не только ставит вопрос о природе информации, предоставляемой населению, но еще в большей степени отражает отношение к ней. Доверяло ли сводкам французское общество, если как раз в это время родилось выражение “лжет, как военная сводка”? Похоже, люди постепенно научились расшифровывать то, что скрывалось за официальными оптимистическими заявлениями, читать между строк.

За прессой тщательно наблюдали префекты. С 1802 г. те несколько газет, к которым терпимо относился режим (в феврале 1811 г. их в Париже осталось только четыре: “*Le Moniteur*”, “*Le Journal de l’Empire*”, “*La Gazette de France*” и “*Le Journal de Paris*”),

³ См. *Bertaud J.-P.* Insoumis et réfractaires. – *Historia spécial*, décembre 1987, p. 106–112.

⁴ *Mémoires du chancelier Pasquier: histoire de mon temps. Première Partie: Révolution, Consulat, Empire.* Т. II, 1812–1814. Paris, 1893, p. 2.

были взяты под контроль полиции, впрочем, так же, как и мелкие провинциальные издания. С 1810 г. создается генеральная дирекция типографии и книгоиздательства, призванная следить за печатниками и ограничивать их число. Печатники должны были дать клятву не издавать никаких критических текстов об императоре и государстве. В декабре 1811 г., в преддверии приближающейся войны с Россией, цензура усилилась: запрещались не только критические, но и пессимистические, мрачные публикации. От прессы требовали воспевать славу режима.

Однако если официальная информация и пресса, находившиеся под строгим контролем государства, искажали реальность в свою пользу, то при знакомстве с личной перепиской участников военных действий и их семей перед исследователем возникает иная, более правдивая картина. По мере того как продолжалась война, письма солдат, отправленные армейской почтой и доходившие до адресата иногда через четыре–пять недель, становились все менее оптимистичными и содержали в себе сведения, отличные от государственных новостей. Но здесь необходимо заметить, что эти письма не всегда могли служить противовесом официальной правде и в силу ряда обстоятельств их влияние на общественное мнение не стоит преувеличивать.

Во-первых, частная переписка находилась под наблюдением полиции всемогущего министра Р. Савари, и письма, расцененные “черным кабинетом” как излишне критичные, содержащие негативную информацию, никогда не доходили до адресата. Во-вторых, письма писались редко. Утомленные долгими ежедневными переходами, солдаты не всегда имели силы и время, чтобы взять в руки перо. В-третьих, боясь цензуры и не желая слишком волновать близких, участники военных действий занимались самоцензурой и не рассказывали обо всех своих страданиях.

Показательным в этом смысле является письмо, которое 11 ноября 1812 г. во время нахождения в Вязьме написал барон А.-Ж.-Ф. де Фэн, секретарь Наполеона, своей жене: “Погода у нас сейчас действительно прекраснейшая; это чудо в нашу пользу. Я пользуюсь этим, чтобы проделывать большую часть пути пешком рядом с повозкой”⁵. Барон воздержался от описания того, какие масштабные потери вызвали холод и снег, как Великая армия сбилась с пути.

Точно так же скрывая от жены масштаб трудностей, писал из Беницы 14 декабря генерал Ватье де Сент Альфонс: “Мы уже проделали месяц пути, чтобы занять позиции на зиму. Холод довольно жгучий, но никто на это не жалуется, когда видит во главе императора, который подает пример, мужественно перенося холод”⁶. Далее генерал, невзирая на реальность, утверждает, что враг “разбит повсюду”⁷.

Эти два примера свидетельствуют о том, что письма не всегда содержали достоверные сведения. Кроме того, в момент отступления работа почтовой службы, подвергавшейся частым нападениям казачьих подразделений, становилась все более нерегулярной, а с 17 ноября, когда прекратилась посылка курьеров, совсем прервалась, лишив тыл новостей, противовеса официальной информации. Наконец, нельзя забывать, что хотя уровень грамотности во Франции был тогда выше, чем в России, и все офицеры французской армии должны были в обязательном порядке уметь читать и писать, младшие офицеры и солдаты часто бывали неграмотными. Поэтому их семьи получали лишь официальную информацию.

Такой особый контекст – жесткая цензура, информация под контролем, вездесущая полиция, переписка только отдельных категорий населения – не позволяет историку дать точный отчет о реальных настроениях во французском обществе накануне и в течение всей русской кампании. Тем не менее в источниках обнаруживаются интересные факты, свидетельствующие о явной враждебности накануне войны со стороны элит и

⁵ *Lettres inédites du baron Fain (1812–1815)*. – *Revue de l’Institut Napoléon*, 1961, № 81, p. 119.

⁶ *Tourtier Bonazzi C. de. Correspondance d’Annette de Mackau, comtesse de Saint-Alphonse, dame du palais de l’impératrice Joséphine*. – *Imprimerie Nationale*, 1967, p. 341.

⁷ *Ibidem*.

малом энтузиазме простых людей, чьи родственники или они сами подпадали под закон о воинской повинности.

С начала конфликта Наполеон старался убедить свое окружение в необходимости войны с Россией, вписывая ее в широкую геополитическую перспективу. В то время как ряд приближенных (первый канцлер Ж.-Ж.-Р. Камбасерес, король Жером – брат Наполеона, король Вестфалии – и обер-шталмейстер А.-О.-Л. Коленкур) предостерегали Наполеона от этого безрассудного и рискованного военного проекта, сам император считал русскую кампанию единственным средством одним ударом покончить с Александром I и Англией и реализовать свою заветную мечту – рождение объединенной Европы. “Испания, – говорил он, – падет, как только я разрушу английское влияние в Санкт-Петербурге; мне нужно 800 тыс. солдат, и они у меня есть. Я тащу за собой всю Европу... через шесть–восемь месяцев вы увидите, что могут дать самые разнообразные комбинации в сочетании с силой, способной привести их в движение. Не беспокойтесь, смотрите на войну с Россией как на войну за здравый смысл, за настоящие интересы, за покой и безопасность всех... Задача, предначертанная мне судьбой, еще не выполнена. Я хочу лишь завершить то, что начато. Нам нужен европейский кодекс, европейский кассационный суд, единая монета, единые меры веса, единые законы. Я хочу сделать из всех народов Европы единый народ, а из Парижа – столицу мира”⁸.

Позднее, за несколько дней до вторжения на российскую территорию, Наполеон постарался объяснить свои намерения французам. В 1-й сводке, датированной 20 июня и опубликованной 3 июля 1812 г. в газете “Le Moniteur”, он упоминает о несоблюдении со стороны России континентальной блокады в пользу Англии, говорит о необходимости атаковать Россию первыми, чтобы опередить эту агрессивную и воинственную державу. В последующие недели его аргументы меняются.

В 6-й сводке от 21 июля, где сообщается о взятии Литвы, происходит возвращение к революционной тематике – война в России предстает как освободительная война народов. Но аргументы Наполеона, меняющиеся от заявления к заявлению, с трудом убеждают и его приближенных, и элиты. В воспоминаниях генерала Ф.-П. Сегюра говорится о сомнениях двора и элит в связи со вступлением в новый конфликт в то время, когда в Испании уже свирепствует война. “Обессиленная Франция, – отмечает Сегюр, – хотела отдыха; ее вельможи, образующие двор Наполеона, страшились такой новой войны, распыления наших войск от Кадиса до Москвы”⁹.

Если вельможи роптали перед конфликтом, считая его обоснованность сомнительной, то во французском обществе воинственный энтузиазм тем более отсутствовал. Страна демонстрировала все больше признаков усталости. “Вся Франция... осталась недовольна войной, которой не хотела”, – заметит позднее королева Гортензия¹⁰.

Усталость общества усиливал острый экономический кризис, охвативший Францию. Плохой урожай осени 1811 г. повлек за собой значительный рост цен на зерновые культуры и, как следствие, на хлеб. Рост цен на хлеб даже вызвал бунты в Кане в марте 1812 г. Напряженность обострялась повышением цен на топливное дерево и ростом безработицы в промышленности.

Война с Россией еще не началась, а экономический кризис и трудности, с ним связанные, уже упоминаются в письмах, которые семьи посылали родным в армию. 14 марта 1812 г. Клод Прюдом, житель Сен Бенуа-сюр-Луар, пишет сыну: “Новости в стране такие же, как в момент твоего отъезда. Вино очень дорогое; цена повышается каждый день; его продают по 28 франков за бочку”¹¹.

⁸ Mémoires de Joseph Fouché, Duc d’Otrante, Ministre de la Police générale, v. II. Bruxelles, 1825, p. 70.

⁹ Ségur P.P. de. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée, v. I. Paris, 1834, livre II, chap. 1, p. 63–64.

¹⁰ Цит. по: Lentz T. Op. cit., p. 327; Mémoires de la reine Hortense, t. II. Paris, 1927, p. 147.

¹¹ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de Russie. Paris, 1913, p. 3.

Тремя неделями позже, 4 апреля, вдова Бёше из Ньюи Сент Жоржа в одном из писем сыну, капитану Великой армии, жаловалась на трудности повседневной жизни: “Мой дорогой сын, мы находимся в очень плохом состоянии, вызванном тяжестями и неприятностями, с которыми мы сталкиваемся в этой жизни. Нельзя добыть пшеницы, ее не привозят на рынок... Хлеб продают по 8 су за фунт, да его еще нужно раздобыть. Мне очень тяжело рассказывать Вам о наших трудностях”¹².

Ситуация, которая предстает из этих писем, объясняет, почему новый призыв и отправка рекрутированных в начале 1812 г. вызвали столько горечи и непонимания. Обедневшие в результате кризиса, неспособные заплатить за человека, который мог стать заменой их родственнику, призванному в армию, или найти такового за период отсрочки, многие семьи, застигнутые кризисом врасплох, вынуждены были отпускать своих детей на фронт.

В период русской кампании ситуация лишь усугубилась. В рапорте, датированном 19 октября и адресованном министру полиции, о настроениях населения провинций Нормандия и Лангедок говорилось: “Общественный дух в абсолютном упадке. Набор в войска¹³ вызвал ропот отцов семейств. Считая, что их дети освобождены от призыва, они старались теперь их пристроить. Однако пришлось отправлять, так как не находилось никого, кто мог бы заменить их сыновей”.

Но и в это время всеобщей горечи и грусти население оставалось смиренным и законопослушным. В том же рапорте уточняется, что “в течение трех месяцев нищета была ужасной и народ чрезвычайно страдал, но безропотно и покорно”. В заключение читаем: “Спокойствие народа было великолепным... ни грабежей, ни восстаний нигде не отмечено”¹⁴.

В некоторых департаментах отчеты полиции еще более оптимистические. Подчеркивая отсутствие какого-либо мятежного духа у населения, полиция отмечает веру народа в легкий и, безусловно, победоносный исход кампании. Так, в конце апреля в рапорте из города Ним говорилось: “Ничто не могло бы лучше доказать хорошее состояние духа населения департамента, чем следующие обстоятельства: никакого возмущения, никакого ропота, несмотря на нищету, которую ощущают представители всех слоев населения”¹⁵.

13 марта 1812 г. по поводу ситуации в Лионе министр полиции Савари писал Наполеону: “В этом году дезертирство практически нулевое. Говорят, что новобранцы подчиняются, потому что их не отправляют в Испанию; их радостные песнопения – реальное доказательство хорошего настроения”¹⁶.

Смирение, относительный оптимизм ощущаются и в частной переписке. Во многих письмах, отправленных солдатам, ушедшим на фронт, семьи умоляют и приказывают им не дезертировать, служить Великой армии с честью и уважением к императору. Такое отношение к императору объяснялось в большой степени привязанностью и даже преклонением перед Наполеоном, но также и страхом перед преследованиями, которые могли обрушиться на солдат и их семьи. Об этом совершенно недвусмысленно пишет в конце июля отец молодого Николя Старета, призванного в 37-й линейный батальон в возрасте 20 лет: “Я получил Ваше письмо, датированное 5-м, 28-го. Оно огорчило нас сообщением, что Вы должны были лечь на несколько дней в госпиталь в результате большой усталости, вызванной тяжелым переходом, который вам пришлось совершить, чтобы нанести визит врагам-россиянам. Но и бедствия такой великой войны, и мир, такой желаемый во всех королевствах Европы... всё в руках Всевышнего. Посему старайтесь хранить Его в глубине Вашего сердца, повторяя утром и вечером молитвы за

¹² Ibidem.

¹³ Речь идет о новой волне призыва, распространившегося и на Национальную гвардию.

¹⁴ Bulletin de police, 2e et 3e arrondissements. – Archives nationales, série F/7, № 3805.

¹⁵ Ibid., série F1 c III/Gard, 7; *Minisclou B.* L'opinion publique en France face à la campagne de Russie de 1812. Sarrebruck, 2012, p. 81.

¹⁶ Archives nationales, AF IV 1520; *Minisclou B.* Op. cit., p. 82.

сохранность войск французской империи. Всегда слушайтесь людей, обладающих высшей властью, и никогда не думайте о дезертирстве, так как законы правительства очень суровы к тем, кто не подчиняется полицейскому предписанию. Чувствую я себя сейчас хорошо, так же как Ваша дорогая мать и вся семья в целом... Извещаю Вас о том, что продовольствие в наших краях вот уже много месяцев поставляется редко. Картофель продается по 14 франков за резаль¹⁷, рожь по 42 франка, а пшеница по 60. Считаю своим долгом написать Вам, что сын Пуарелей дезертировал и другие тоже. Теперь жандармерия целыми днями их разыскивает, и они должны быть приговорены к штрафу около 1000 франков и по меньшей мере к четырем годам тюрьмы”¹⁸.

Итак, накануне конфликта и в первые его недели во французском обществе доминировали чувство смирения и строгое соблюдение закона. В то же время элиты перед лицом конфликта вели себя менее сдержанно, чтобы не сказать враждебно. Что происходило с ними в течение следующих недель? Наблюдались ли изменения по мере того, как война продолжалась, а трудности становились все более очевидными?

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ. ОТ ВЫЖИДАНИЯ К ИЗУМЛЕНИЮ

Как уже отмечалось, во время русской кампании новости доходили до тылов медленно и нерегулярно. Время между отправкой писем и их прибытием по назначению составляло в среднем три, а то и четыре недели. Для семей, чьи близкие ушли на фронт, редкое поступление корреспонденции и отсутствие достоверных новостей служили источником постоянного беспокойства. Об этом свидетельствует, например, письмо г-жи Оденарль своему мужу от 22 октября 1812 г. “Восемь месяцев беспокойства и грусти, уверяю тебя, длинны, — пишет она, — и я чувствую это лучше, чем кто-либо. Я часто жалуюсь твоей матери. У нас общие горести, и мы стараемся взаимно утешить друг друга”¹⁹.

Семья императора тоже тревожилась о близких. В письме брату Евгению Гортензия де Богарне не скрывает своего беспокойства: “Прошло уже столько времени, как я не получала от тебя новостей. Надеюсь, у тебя все хорошо, но мне бы хотелось быть в этом уверенной... Стоит ужасный холод, и поэтому меня еще больше бросает в дрожь. Боже, как вам должно быть там плохо! Мне не терпится получить новости от вас!”²⁰.

На протяжении последующих месяцев тревога только нарастала. Хотя в письмах с фронта по-прежнему приуменьшался размер катастрофы, в них все чаще проскальзывали жалобы на лишения и переносимые трудности. Вот что писал из Смоленска жене барон Ларрей, главный хирург Великой армии: “Я никогда так не страдал. Кампании в Египте и Испании не идут ни в какое сравнение с этой, а наши страдания еще не закончились, до этого еще далеко... Часто мы бывали просто счастливы, если удавалось ухватить какие-нибудь ошметки лошадиных туш, которые попадались на дороге. На биваке мы жарили их на углях, вот и вся наша еда”²¹.

Нерегулярно получаемые новости, страх за судьбы родных людей подогревали самые невероятные и противоречивые утверждения и слухи. В письме от 29 сентября, отправленном брату, генералу де Нансути, графиня де Ремюза вспоминает о панике, охватившей французов, когда им сообщили о ходе сражения при Бородино: “После новостей об этой ужасной битве здесь распространились всевозможные слухи. Наши потери были преувеличены, и каждый уже собирался оплакивать кого-нибудь”²².

Зная о существовании подобных слухов, некоторые высшие чины старались их нейтрализовать. Так, например, маршал Даву в письме своей жене 14 октября 1812 г.

¹⁷ *Резаль* — мера веса, принятая в Богезах.

¹⁸ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de Russie*, p. 5.

¹⁹ *Ibid.*, p. 176.

²⁰ *Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie*. Paris, 2012, p. 220.

²¹ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de Russie*, p. 301 (дата написания письма не известна).

²² *Ibid.*, p. 45–46.

нарисовал следующую картину: “Невозможно дать такого рода сражение без потерь, но они не были такими значительными, как их представила молва, и многие из тех, кого уже похоронили, полны жизни. Послушай, я приведу тебе случай с генералом Ларибуазьером, который не только не умер, но даже и не ранен. Почти все, кто получил ранения, ранены легко и уже выздоровели”²³.

Однако письма солдат или простых офицеров, которых было значительно больше, свидетельствовали об обратном и добавляли волнения тылу. 20 сентября в письме к спутнице жизни лейтенант Паради писал: “Я побывал во всех локальных боях с ротой, которой команду в течение двух месяцев. Бесполезно приводить тебе подробности этих ужасных боев. Достаточно сказать, что битвы при Аустерлице, Йене, Полоцке, Эйлау, Экмюль и Ваграме и отдаленно не напоминают последнее сражение 7 сентября. Ты, без сомнения, увидишь рассказ об этом известном сражении в газетах, но могу тебя заверить, что преувеличить им будет сложно. Поле боя протяженностью около трех лье было сплошь покрыто телами мертвых и раненых”²⁴.

В дальнейшем и официальные сводки, все более лаконичные и появлявшиеся через все большие промежутки времени, тоже сыграли свою роль в зарождении сомнений, а затем и растерянности в обществе.

Написанная 17 сентября 1812 г. и опубликованная 3 октября 20-я сводка, где сообщалось о пожаре в Москве, впервые породила серьезное беспокойство среди общественности. Тремя неделями позже, 23 октября, генерал Мале предпринял попытку государственного переворота. Подавленный через несколько часов переворот не представлял серьезной угрозы основам империи, и по информации из рапортов полиции общество осталось спокойным. Однако в отсутствие какого-либо официального заявления в последующие дни – Париж не получил тогда никакой сводки – слухи о причине заговора, а именно утверждение, что император нашел в России свою смерть, привели к всеобщему волнению.

28-я сводка была написана 11 ноября. В ней, чтобы успокоить население относительно судьбы своего суверена, говорилось, что “здоровье императора никогда не было лучше”. В то же время 28-я сводка впервые официально признала трудности, переживаемые Великой армией. Сообщалось, что 7 ноября пошел снег и от холода пали 3 тыс. лошадей. Пауза, следовавшая за этой сводкой (до новой, 29-й сводки пришлось ждать целых 15 дней), только подогрела всеобщую тревогу. Люди опасались, что армии, попавшей в России в ловушку, потребуется подкрепление из новобранцев. Префект департамента Крез писал 25 ноября министру внутренних дел: “В настоящий момент две новости привлекают внимание: возвращение императора и предстоящий призыв на военную службу в 1814 г. Первый из этих слухов вызывает одновременно страх и радость... Второй – всеобщую грусть”²⁵.

29-я сводка, последняя в кампании, составленная самим Наполеоном 4 декабря и опубликованная 17 декабря в “Le Moniteur”, окончательно погрузила страну во мрак. Ничего больше не скрывая от подданных, император французов сообщал о разыгравшейся трагедии: “Дороги были покрыты льдом; лошади кавалерии, артиллерии, конвоя гибли каждую ночь, не сотнями, а тысячами, особенно лошади французской и немецкой армий. Более 30 тыс. лошадей пали за несколько дней... Нужно было бросить все наши орудия, боеприпасы и провиант”²⁶.

Комментируя настроение населения департамента Верхний Рейн, его префект писал 23 декабря 1812 г.: “Душераздирающая картина из 29-й сводки произвела настоящий ступор”²⁷.

²³ Ibid., p. 100.

²⁴ Ibid., p. 19.

²⁵ Цит. по: *Minisclou B.* Op.cit., p. 152.

²⁶ Le Moniteur, 17.XII.1812.

²⁷ Цит. по: *Minisclou B.* Op.cit., p. 156.

Известия с фронта тоже приводили тыл в отчаяние. Последние письма солдат, отправленные в середине ноября и полученные в течение декабря и даже января, свидетельствовали о размахе катастрофы, огромной усталости от войны, глубоком желании мира.

Весть о возвращении Наполеона, живого и невредимого, в Париж, разнесшаяся через два дня после публикации 29-й сводки, на время успокоила общественность. Но очень скоро сообщение о новом военном ударе, возобновлении военных действий и грядущем призыве на военную службу изменило настроение общественного мнения. В разных местах появились карикатуры на Наполеона, раздавались памфлеты враждебного по отношению к нему содержания. То там, то здесь префекты проводили аресты за подстрекательские высказывания, а в январе–феврале 1813 г. во многих департаментах наблюдался значительный рост количества бракосочетаний, поскольку в солдаты брали только холостяков.

Проявления протеста, однако, были незначительными, и в целом новый призыв в армию прошел без особых эксцессов. Но все свидетельствовало о явном разочаровании французов в своем суверене, усталости от его воинственной политики. Вот почему страна, становившаяся все более миролюбивой, после эпизода Ста дней довольно легко приняла второе возвращение Бурбонов на французский престол в 1815 г.